

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-102-130

М.А. Даниэль

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

105066 г. Москва, Российская Федерация;

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

119991 г. Москва, Российская Федерация

Согласование по косвенности в нахско-дагестанских языках: обзор эмпирических данных

В настоящей статье сводятся данные грамматик нахско-дагестанских языков по редкому морфосинтаксическому явлению – согласованию приименного атрибута по косвенности вершины, т.е. изменение формы этого атрибута в зависимости от падежа вершины (номинатив vs. все остальные падежи). Показано, что согласование по косвенности в языках семьи характерно для следующих типов приименных зависимых: числительных, указательных местоимений, прилагательных и причастий, посессивных форм имени (в зависимости от языка). В том или ином виде явление отмечается в нахских, цезских, части лезгинских и хиналугском языках; в языках даргинской и аваро-андийской ветви и в лакском языке такое согласование не отмечается.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, согласование, именные атрибуты, категория косвенности

Благодарности. Я благодарен Айгуль Закировой, Екатерине Лютиковой, Тимуру Майсаку, Джоханне Николз, Жилю Отье и Заире Халиловой за исправления и ценные комментарии.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Даниэль М.А. Согласование по косвенности в нахско-дагестанских языках: обзор эмпирических данных // Рема. Rhema. 2021. № 2. С. 102–130. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-102-130

M.A. Daniel

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, 105066, Russian Federation;

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Agreement in obliqueness in East Caucasian: A formal survey

The paper is a survey of all available descriptive data on a rare agreement pattern observed in East Caucasian (Nakh-Daghestanian) languages under which nominal dependents take different forms depending on whether their head is in the nominative case or any other case. I show that, depending on the language, “agreement in obliqueness” is attested in cardinal numerals, demonstratives, adjectives (and participles) and nominal possessors. In some form, it exists in Nakh, Tsezic and some Lezgif languages and in Khinalug; while it seems to be completely absent from the languages of the Avar-Andic and Dargwa branches and from Lak.

Key words: East Caucasian, agreement, nominal attributes, oblique

Acknowledgments. I am grateful to Aigul Zakirova, Ekaterina Lyutikova, Timur Maisak, Johanna Nichols, Gilles Authier and Zaira Khalilova for corrections and valuable comments.

FOR CITATION: Daniel M.A. Agreement in obliqueness in East Caucasian: A formal survey. *Rhema*. 2021. No. 2. Pp. 102–130. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-102-130

1. Введение

А.Е. Кибрик, насколько нам известно, впервые ставит вопрос о теоретической интерпретации наблюдаемого в некоторых нахско-дагестанских языках явления «согласования по косвенности», синтаксического феномена, при котором форма посессора определенным образом зависит от значения категории падежа вершины [Kibrik, 1995]. Главное наблюдение, обсуждаемое в статье, можно сформулировать следующим

образом: зависимое принимает одну форму, если вершина стоит в форме именительного падежа, и другую форму, если вершина имеет любое другое значение категории падежа. Хотя в самой этой формулировке («согласование по косвенности») уже заключена некая теоретическая проблема, нуждающаяся в интерпретации, ниже мы будем использовать именно этот термин.

Эмпирическое наблюдение приобретает теоретическую интерпретацию только в конкретном контексте, в сравнении с другими явлениями и в рамках определенного подхода к описанию языка. В цитируемой статье А.Е. Кибрик анализирует согласование по косвенности в его отношении к явлению двойного падежного маркирования, предлагая считать, что приименное зависимое содержит две кумулятивно выраженные граммы – грамму родительного падежа, кодирующую зависимость между вершинным и зависимым именем, и грамму категории косвенности, имеющей два значения *DIR vs. OBL* и имеющей согласовательную природу. Ср.:

(1) a.	abo-s	is
	отец-OBL-GEN ^{DCT}	брат (NOM)
	‘брат отца’	
	b. abo-la	is-t'i-l
	отец-GEN ^{OBL}	брат-OBL-DAT
	‘брату отца’ [Kibrik, 1999, p. 220]	
(2) a.	is-t'i-s	biLO
	брат-OBL-GEN ^{DCT}	дом (NOM)
	‘дом брата’	
	b. is-t'i-la	biLO-ʔ
	брат-OBL-GEN ^{OBL}	дом-IN (ESS)
	‘в доме брата’ [Там же]	

А.Е. Кибрик рассматривает только именные типы зависимых, что позволяет ему сосредоточиться на природе выражения синтаксической зависимости и сопоставить цахурские формы и формы некоторых цезских языков с явлениями, обсуждаемыми в [Plank, 1995] в целом, т.е. «классические» случаи двойного падежного маркирования, например, в древнегрузинском языке. С другой стороны, в только что вышедшей статье Е.А. Лютикова (2021) на материале хваршинского языка и в рамках формально-синтаксического подхода решает совсем другой, в некотором смысле диаметрально противоположный вопрос: какой статус имеет в этой конструкции категория контролера, по которой происходит согласование (вопрос, который интересует и автора настоящей статьи,

но в рамках функциональной морфологической типологии согласования), в том числе в связи со статусом отношения между прямой и косвенной основой существительного. Косвенная основа традиционно считается деривационной и потому противопоставление прямой и косвенной основы предполагается «невидимым» для синтаксиса, однако одна из возможных трактовок согласования по косвенности заключается как раз в том, что оно не так уж невидимо. В неопубликованной работе Я.Г. Тестелец (2019) на базе синтаксического анализа зависимых в именных группах с вершиной в номинативе и косвенном падеже предлагает считать категорию косвенности релевантной в том числе для аварского языка, где нет никаких морфологических следов согласования по косвенности. Наконец, в самом широком типологическом понимании данные нахско-дагестанских языков представляют интерес с точки зрения анализа эмпирических оснований для противопоставления прямых и косвенных падежей (в духе [Nichols, 1967]), а также в терминах типологии локуса маркирования [Nichols, 1986, 1992], т.к. при согласовании по косвенности зависимое несет одновременно два типа зависимостного маркирования – *registering* и *indexing*, причем выражены они кумулятивно. В цахурском языке выбор формы зависимого зависит еще и от рода и числа вершины, так что цахурское зависимое имя индексирует сразу три грамматические категории вершины (и кумулирует, таким образом, целых четыре).

В настоящей статье мы не будем пытаться решать и даже ставить теоретические вопросы. Наша цель – как можно шире описать весь круг известных феноменов, которые можно отнести к сфере «согласования по косвенности» в нахско-дагестанских языках. Выбор контекста для постановки (и, соответственно, решения) теоретического вопроса может (имеет право) быть сколь угодно узок, в том числе ограничиваться рамками одного языка или одной конструкции. Так, А.Е. Кибрик рассматривает в первую очередь согласование зависимых форм имени (хотя в этих же языках согласуются и другие атрибуты), а Е.А. Лютикова – ограничивается данными только хваршинского языка (хотя согласование по косвенности, например, в нахских и в цахурском языках, по-видимому, труднее формально увязать с противопоставлением прямой и косвенной основы в склонении, т.к. морфология косвенных основ именных частей речи выступающих демонстрирует меньше формального сходства с морфологией косвенных форм атрибутов). И хотя такой «точный» подход к моделированию языковых фактов, несомненно, имеет право на существование (на наш взгляд, в большей степени в варианте Е.А. Лютиковой – ограничение рамками языка, чем в варианте А.Е. Кибрика, с искусственным ограничением эмпирической базы),

в других своих работах именно А.Е. Кибрик [Kibrik, 1998; Кибрик, 2003] (ср. также [Greenberg, 1969; Шлуинский, 2014]) обсуждает преимущества сравнительного анализа сопоставимых явлений в родственных языках, позволяющего, в частности, обобщить модель через расширение ее эмпирической базы. Явление «согласования по косвенности» (далее без кавычек) оказывается необходимым учитывать и в сравнительно-исторической грамматике нахско-дагестанских языков, и в моделях грамматикализации согласования в типологической перспективе.

Сразу оговоримся, что степень детализации приводимых ниже сведений сильно варьирует в зависимости от того, насколько подробными были доступные нам описания (в основном речь идет об обзорных грамматиках). Для нахских языков формы приводятся в орфографии источника, несмотря на то что эта орфография принципиально отличается в описаниях близкородственных языков (как, например, в [Яковлев, 1960] по сравнению с [Nichols, 2011]).

2. Согласование по косвенности в различных ветвях нахско-дагестанских языков

Согласование по косвенности отмечается в нахских, цезских, лезгинских и хиналугском языках. В андийских, даргинских и лакском языке согласование по косвенности, насколько нам известно, не присутствует ни в каком виде.

2.1. Нахские языки

Согласование по косвенности наблюдается во всех трех языках ветви.

Согласно описанию [Там же, р. 440], в ингушском языке в зависимости от прямой или косвенной формы вершины разные формы принимают числительные ‘один’, ‘два’, ‘три’, ‘пять’ и ‘двадцать’, а также сложные числительные, производные от них; указательные местоимения; прилагательные и причастия. Дж. Николс называет это согласованием по падежу. Числительные образуют косвенную основу либо присоединением показателя *-n*, либо чередованием основы. Адъективы (понимаемые ниже как имена прилагательные и другие единицы, морфологически «приравненные» к прилагательным) образуют косвенную форму присоединением показателя *-cha*; формально к этому типу принадлежат также дистальный демонстратив *dwaara*, вопросительное прилагательное *malagha* ‘который’, квантификаторы *sl-erriga* ‘все’, *massa-sl-ola* ‘каждый’, порядковые числительные. Числительное ‘четыре’ имеет слот согласования по роду, но по косвенности оно не согласуется. Ни показатель *-cha*, ни показатель *-n* не используется в формообразовании других именных частей речи. Насколько можно судить, косвенная

форма атрибута не имеет никакой другой функции (в частности, не совпадает ни с какой падежной формой атрибута при независимом – безвершинном – склонении). В табл. 1 показано словоизменение согласующихся по косвенности числительных, основных демонстративов и примеры адъективов.

Таблица 1

**Согласование по косвенности в ингушском языке
(по данным [Nichols, 2011])
[Agreement in obliqueness in Ingush (according to [Nichols, 2011])]**

	DIR	OBL		DIR	OBL
‘один’ [‘one’]	<i>cwa</i>	<i>cwa-n</i>	‘этот’ [‘this’ (proximal)]	<i>je</i>	<i>uq</i>
‘два’ [‘two’]	<i>shi</i>	<i>shi-n</i>	‘этот’ [‘this’ (neutral, aforementioned)]	<i>yz</i>	<i>cy</i>
‘три’ [‘three’]	<i>qo</i>	<i>qea</i>	‘тот’ [‘that’ (distal)]	<i>dwaara</i>	<i>dwaara-cha</i>
‘пять’ [‘five’]	<i>pxi’</i>	<i>pxie</i>	‘другой’ [‘other’]	<i>qieqie</i>	<i>qycha</i>
‘двадцать’ [‘twenty’]	<i>tq’o</i>	<i>tq’ea</i>	‘теплый’ [‘warm’]	<i>mela</i>	<i>melacha</i>
‘другой (из двух)’ [‘other (of two)’]	<i>vozh</i>	<i>vuoqa</i>	‘читающий’ [‘reading’]	<i>diesha</i>	<i>dieshacha</i>

В ингушском языке демонстративы и некоторые прилагательные изменяют свою форму в зависимости от числа вершины, ср. *CL-oaqqa* ‘большой’ ~ *CL-oaqqii* ‘большие’, *zwamiga* ‘маленький’ ~ *kegii* ‘маленькие, молодые’. Не вполне ясно, как согласование по числу взаимодействует с согласованием по косвенности; для демонстративов этот вопрос специально не обсуждается. В тексте грамматики при вершине в косвенной основе встречается как прямая форма [Nichols, 2011, p. 324, note 43, p. 624, note 2), так и косвенная основа *zwamgicha* [Там же, p. 286, note 217). Прилагательное с основной множественного числа *kegii* встретилось только в одном контексте (повторяемом в нескольких примерах) в форме косвенной основы; прилагательное множественного числа *CL-oaqqii* ‘большой (PL)’ в контекстах множественного числа не встретилось.

Чеченский язык похож в этом отношении на ингушский. В «Морфологии чеченского языка» Н.Ф. Яковлева интересующее нас противопоставление описывается для «слабого склонения» (т.е. для словоизменения в атрибутивной позиции) прилагательных и причастий,

числительных и некоторых местоимений. Прилагательное в атрибутивной позиции имеет две формы: форму на *-н* (иногда немаркированную форму) при вершине в номинативе любого числа и форму на *-чу* при вершине в косвенном падеже любого числа ([Яковлев, 1960, с. 39 и далее], склонение причастий охарактеризовано отсылкой к разделу про прилагательные). Косвенная форма отличается от прямой также у числительных ‘один’, ‘два’, ‘три’, ‘четыре’, ‘пять’ и ‘двадцать’, у указательных местоимений ‘этот’, ‘тот’, ‘другой’, а также у некоторых других единиц, изменяющихся по адъективному склонению [Там же, с. 117 и далее] (табл. 2).

Таблица 2

Согласование по косвенности в чеченском языке
(по данным [Яковлев, 1960])
[Agreement in obliqueness in Chechen
(according to [Yakovlev, 1960])

	DIR	OBL		DIR	OBL
‘один’ [‘one’]	<i>цхьа</i>	<i>цхьа-на</i>	‘этот’ [‘this’]	<i>хIара</i>	<i>хIокху</i>
‘два’ [‘two’]	<i>ши</i>	<i>ши-на</i>	‘этот’ [‘this’]	<i>я</i>	<i>йокху</i>
‘три’ [‘three’]	<i>кхо</i>	<i>кхаа</i>	‘другой’ [‘other’]	<i>важа</i>	<i>вукху</i>
‘четыре’ [‘four’]	<i>виъ</i>	<i>веа</i>	‘другой’ [‘other’]	<i>кхин</i>	<i>кхиэчу</i>
‘пять’ [‘five’]	<i>пхи</i>	<i>пхеа</i>	‘тот’ [‘that’]	<i>дIара</i>	<i>дIара-чу</i>
‘двадцать’ [‘twenty’]	<i>ткъа</i>	<i>ткъа-на</i>			

Для третьего языка нахской ветви, бацбийского, по данным [Дешериев, 1953] можно сделать вывод, что по крайней мере числительные ‘один’, ‘два’ и ‘три’ различают косвенную форму (примеров с числительными ‘четыре’, ‘пять’ и ‘двадцать’ с косвенными вершинами в описании не содержится). Прилагательные в косвенных формах принимают суффикс *-ич* [Там же, с. 182 и далее], однако для косвенной формы единственного числа прилагательного *в-аккхоо* ‘большой’ (основа мн. числа *в-аккхаа*) приведена нерегулярная форма *в-аккхунч*. Некоторые относительные прилагательные различают прямую форму единственного и множественного числа конечной гласной (во множественном числе меняется на *-а*), такие прилагательные также различают косвенную форму единственного и множественного числа, т.к. суффикс *-ч* присоединяется непосредственно к основе. Прилагательные

с исходом на согласный (суффиксального образования) не различают прямой и косвенной формы; данных об атрибутивном склонении причастия в грамматике не содержится.

Согласно описанию [Дешериев, 1953, с. 178], указательные местоимения также не изменяются в зависимости от падежа вершины, хотя примеров с вершиной в косвенном падеже не приводится. В описании [Holisky, Gagua, 1994] согласование по косвенности для бацбийского языка отличается от данных Дешериева лишь незначительно: прямая основа многих прилагательных заканчивается на *-н* (видимо, реализующийся как назализация), который пропадает в косвенной основе при присоединении *-ич*. При независимом употреблении падежные показатели присоединяются к косвенной основе. Формы числительных при косвенной вершине совпадают с приводимыми Дешериевым, за исключением формы *chāinī* ‘один’ (OBL) (табл. 3а).

Таблица 3а

**Согласование по косвенности в бацбийском языке,
кроме демонстративов (по данным [Дешериев, 1953])
[Agreement in obliqueness in Bats (demonstratives excluded)
(according to [Desheriev, 1953])]**

	DIR	OBL		DIR	OBL
‘один’ [‘one’]	<i>цхъа</i>	<i>цхъа-ин</i>	‘большой’ [‘large’] (SG)	<i>в-аккхоо</i>	<i>в-аккхунч</i>
‘два’ [‘two’]	<i>ши</i>	<i>ши(-н)</i>	‘большой’ [‘large’] (PL)	<i>в-аккхаа</i>	<i>в-аккхаич</i>

Поведение указательных местоимений в сочетании с вершинным именем в косвенном падеже Дешериев не описывает; поэтому они приведены по [Hauk, 2020, p. 50] (табл. 3б).

Таблица 3б

**Согласование по косвенности в бацбийском языке
у демонстративов (по данным [Hauk, 2020])
[Agreement in obliqueness in Bats (demonstratives)
(according to [Hauk, 2020])]**

	DIR	OBL
‘этот’ [‘this’ (proximal)]	<i>e</i>	<i>eq</i>
‘этот’ (более удаленный) [‘this’ (medial)]	<i>is</i>	<i>icx</i>
‘тот’ [‘that’ (distal)]	<i>o</i>	<i>oq</i>

Таким образом, во всех языках нахской ветви засвидетельствовано согласование по косвенности у малых числительных, прилагательных и демонстративов. Образование форм косвенных падежей при независимом (безвершинном) использовании атрибутивных форм в ряде случаев происходит от основы, совпадающей с косвенной формой (это требует более систематической проверки). При этом образование косвенной формы у числительных и прилагательных формально различно, и соответствующие суффиксы не используются в формообразовании косвенной основы существительных.

2.2. Цезские языки

Во всех языках ветви система согласования по косвенности примерно сопоставима, хотя и различается в некоторых деталях. Поэтому ниже изложение организовано по фрагментам системы (числительные, местоимения, прилагательные и существительные в атрибутивной позиции), с указанием некоторых особенностей и различий между языками там, где они имеются, или, по крайней мере, где их удастся выявить на базе используемых источников. Изложение в этом разделе основывается на следующих описательных грамматиках: [van den Berg, 1995] для гунизбского, [Комри и др., 2015] для бежтинского, [Khalilova, 2009] для хваршинского, [Forker, 2013] для гинухского и [Бокарев, 1959] для цезского языков.

В большинстве цезских языков числительные противопоставляют прямую и косвенную форму, в том числе супплетивными основами в случае ‘один’ (сильный супплетивизм) и ‘два’ (слабый супплетивизм) и более или даже совершенно регулярно в других числительных (в прямой основе показатель $-n(V)$, в косвенной $-(e)l$ или $-ra$), с поправкой на фонетические переходы и в зависимости от фонотактики основы. Использование частицы $-no$ в прямых формах некоторые авторы объясняют аналогией с использованием частицы-интенсификатора $-go$ в аварских числительных [Там же]; при таком анализе $-no$ в составе прямой формы числительного не является морфологическим показателем собственно категории DIR , и морфологически маркирована только основа OVL . В бежтинском языке по косвенности вершины согласуется только числительное ‘один’ $h\ddot{o}s\ DIR$ vs. $sid\ OVL$ [Комри и др., 2015, с. 292] (однако в тлядальском диалекте ситуация похожа на гунизбскую – З. Халилова, в личном сообщении). Е.А. Бокарев приводит для цезского лишь некоторые косвенные формы числительных (‘один’ $sis\ DIR \sim sida\ OVL$, ‘три’ $\ddot{t}o^{\ddot{n}}a\ DIR \sim \ddot{t}o^{\ddot{r}}a\ OVL$, ‘восемь’ $bilno\ DIR \sim bilra\ OVL$, ‘двадцать’ $quno\ DIR \sim qura\ OVL$), характеризуя опущение частицы $-no$ и добавление суффикса косвенной основы $-ra$ как

вполне регулярный процесс [Бокарев, 1959, с. 202]. В табл. 4 приведены прямая и косвенная формы числительных от одного до пяти для трех языков, в которых обе формы числительных эксплицитно даны в грамматике.

Таблица 4

**Примеры согласования числительных по косвенности
в трех языках цезской ветви
[Examples of numerals agreeing in obliqueness
in three Tsezic languages]**

	Гунзибский [Hunzib]		Хваршинский [Khvarshi]		Гинухский [Hinuq]	
	DIR	OBL	DIR	OBL	DIR	OBL
‘один’ [‘one’]	<i>hə̃s</i>	<i>sid</i>	<i>hos</i>	<i>hada</i>	<i>hes</i>	<i>seda</i>
‘два’ [‘two’]	<i>q'anu</i>	<i>q'an</i>	<i>q'^swene</i>	<i>q'^swana</i>	<i>q'ono</i>	<i>q'wena</i>
‘три’ [‘three’]	<i>λanα</i>	<i>λel</i>	<i>ħono</i>	<i>ħalla</i>	<i>łono</i>	<i>łora</i>
‘четыре’ [‘four’]	<i>oq'en</i>	<i>oq'el</i>	<i>uⁿq'e</i>	<i>uⁿq'q'ela</i>	<i>uq'ino</i>	<i>uq'ira</i>
‘пять’ [‘five’]	<i>λino</i>	<i>λil</i>	<i>łino / łuno</i>	<i>łulla</i>	<i>łeno</i>	<i>łera</i>

В хваршинском языке в качестве косвенной формы демонстративов выступает форма, совпадающая с эргативом в независимом склонении (‘этот’ *žu* ~ *ise* (мужской род), *iŋe* (женский род); ‘эти’ *izzu* ~ *izze* и др. [Khalilova, 2011, p. 144]). Автор отождествляет эту форму с косвенной основой, от которой образуются остальные падежи при независимом употреблении, хотя морфонология такой деривации не всегда прозрачна. Согласование по косвенности для демонстративов отмечается в [van den Berg, 1995, p. 61] для гунзибского. Отличие от хваршинского состоит в том, что в косвенной форме единственного числа утрачено различие по роду (например, единая для вершин любого рода форма *bolu* ‘этот’ OBL), а во множественном числе нет и согласования по косвенности (например, ‘эти’ *bədra* вне зависимости от падежа вершины). Е.А. Бокарев указывает, что цезское дистальное местоимение ‘тот’ *jesi* (мужской род, остальные роды *jela*, множ. число *jiziri*) имеет косвенную форму *jel* в единственном числе (вероятно, только для немужского рода)

и *jiza* во множественном числе; по той же схеме изменяются и другие дистальные местоимения *nesi*, *howsi*, *hemesi* [Бокарев, 1959, с. 198]. Для бежтинского и гинухского языка данные по согласованию по косвенности для демонстративов не приводятся; однако судя по некоторыми примерам можно предполагать, что гинухские формы, приведенные в [Forker, 2013, p. 134] как формы косвенной основы, совпадают с формами, используемыми при косвенной вершине (ср. пример 207b [Там же, p. 137], т.е. согласование по косвенности присутствует).

Во всех языках цезской ветви отмечается согласование по косвенности у атрибутов, в том числе у посессивных форм имени существительного, прилагательных, причастий, атрибутивизированных наречий и падежных (например, пространственных) форм существительных. При обсуждении маркирования именных посессоров в цезских языках традиционно различают два родительных падежа – GEN1, употребляемый на посессоре с вершиной в номинативе, и GEN2, употребляемый при вершине в косвенном падеже, но такая терминология несколько усложняет описание функции этих показателей в сопоставлении с согласованием по косвенности прилагательных. В первых двух столбцах табл. 5а приведены показатели Attr (DIR) и Attr (OBL) (соответствующие традиционным GEN1 и GEN2), а в третьем и четвертом столбцах – способы выражения согласования по косвенности у прилагательных и некоторых причастий (Adj).

Таблица 5а

Согласование по косвенности в языках цезской ветви
[Agreement in obliqueness in Tsezic]

	Attr		Adj	
	DIR	OBL	DIR	OBL
Гунзибский [Hunzib]	-s	-d	(-u)	[-Ø]
Бежтинский [Bezhta]	-s	-la	(-V)	-a
Хваршинский [Khvarshi]	-s	-lo/-la	(-V)	[-a]+[-la/-lo]
Гинухский [Ginukh]	-s	-zo	(-V)	[-a]
Цезский [Tsezic]	-s	-z	Her [NA]	Her [NA]

В гунизбском языке [van den Berg, 1995] прилагательное в единственном числе при прямой вершине имеет показатель *-u*, который может – но не должен – утрачиваться при вершине в косвенном падеже (в этом смысле прилагательные при косвенной вершине ведут себя так же, как прилагательные в предикативной позиции [Там же, с. 57]. Аналогично ведет себя причастие прошедшего времени на *-r(-u)*. Автор гунизбской грамматики называет форму косвенного атрибутивизатора на *-d*, которую посессор принимает при вершине в косвенном падеже, инструменталисом, по ее второй функции [Там же, с. 43]. При этом прямой атрибутивизатор (генитив грамматики) на *-s*, как и в гинухском, формально совпадает с показателем элатива локативной парадигмы [Там же, с. 42, 45]. Атрибутивизаторы используются также для образования причастий настоящего времени и атрибутивных форм от наречий и падежных форм существительных.

В гинухском языке [Forker, 2013] прямой и косвенный Attr (GEN1 и GEN2 описания) совпадают с показателями аблатива и аблатива 2 (для последнего характерны в том числе транслативные функции). Отмечается, что показатели Attr широко используются для атрибутивизации разных составляющих, например, пространственных форм существительных и наречий [Там же, с. 73]. Что касается прилагательных, у некоторых в косвенной форме может использоваться основа, образуемая меной конечного гласного на *-a*, но эта мена факультативна, а у других прилагательных – невозможна. Морфология причастий с косвенно-падежными вершинами подробно не обсуждается, но, судя по некоторым примерам, можно предположить, что причастие не имеет согласования по косвенности. Таким образом, согласование по косвенности оказывается возможным не для всех адъективных форм. А для тех, для которых оно возможно, является факультативным [Там же, с. 163 и далее].

С точки зрения согласования по косвенности хваршинский ([Khalilova, 2009], см. также [Лютикова, 2021]) и бежтинский [Комри и др., 2015] довольно похожи. В бежтинском языке прямая форма атрибутивизатора совпадает с элативом (в хваршинском это не так, по крайней мере синхронно – атрибутив *-s*, но элатив *-zi*), а косвенная форма атрибутивизатора может быть сопоставлена с сегментом *-la* в составе транслативного показателя *-laɪ'a*. В бежтинском языке причастия настоящего времени используют в прямой форме *-s*, в косвенной *-la*, как посессоры (и, видимо, атрибутивизированные наречия и падежные формы), а причастия прошедшего времени – *-a* в косвенной форме [Там же, с. 398]. В бежтинском большинство прилагательных, а в хваршинском – некоторые прилагательные, меняют в косвенной основе конечный гласный на *-a*. В отличие от других цезских языков, в хваршинском языке прилагательные

могут в косвенных формах, кроме чередования гласного, факультативно присоединять показатель *-la/-lo*, совпадающий с косвенным атрибутивизатором и продуктивно, но столь же опционально использующийся в косвенных формах субстантивированных прилагательных [Khalilova, 2009, с. 105] (данных о субстантивации посессоров и причастий в грамматике не приводится, но они следуют, более или менее, тем же правилам, что и прилагательные (З. Халилова, в личном сообщении)). Этот суффикс также является одним из показателей косвенной основы субстантивов, по-видимому, в разной степени продуктивным в бежтинском и хваршинском языках. Данных о согласовании по косвенности для причастий для хваршинского языка не приводится. Таким образом, хваршинский язык по данным описаний оказывается единственным из языков ветви, в котором согласование по косвенности у атрибутивных форм (субстантивных посессоров, атрибутивизированных наречий и проч.) оказывается не вполне жестко отделено от согласования по косвенности у адъективов (например, непроизводных прилагательных). При этом хонохский хваршинский ведет себя в этом отношении не так, как говор, описываемый Халиловой, а как все остальные цезские языки (Е. Лютикова, в личном сообщении).

В отличие от других цезских языков, согласно [Бокарев, 1959] в цезском языке непроизводные прилагательные по косвенности не согласуются. Однако адъективные формы, образуемые атрибутивизатором *-si* – причастия настоящего и один из типов образования причастия прошедшего времени – меняют его при вершине в косвенном падеже на *-zo*. Та же модель зафиксирована для атрибутивизации наречий (ср. также [Polinsky, 2015]).

Особо следует сказать о том, как категория косвенности выражается в личных местоимениях первого и второго лица, функционально вполне идентичных именным посессорам, однако в формальном отношении отличающихся и от них, и от адъективных атрибутов. Данные сведены в табл. 5б (формы приводятся в соответствии с транскрипцией источника, ср. [Бокарев, 1959, с. 196–197; van den Berg, 1995, р. 60; Khalilova, 2009, р. 142; Forker, 2013, р. 130; Комри и др. 2015, с. 300]).

Сравнение таблиц 5а и 5б показывает, что при образовании косвенной формы используются те же формальные средства, что и именные посессоры. С прямой формой личных местоимений дело обстоит сложнее: местоимения единственного числа не используют именной суффикс прямой формы; местоимения множественного числа используют именной показатель (*-s*, единый для всех языков ветви) в гунизбском, бежтинском и цезском языках; в хваршинском языке он не используется, вместо него выступает суффикс *-o*. Гинухский язык занимает

промежуточное положение: он допускает как именную, так и особую стратегию образования прямой формы. Кроме того, следует отметить, что в бежтинском языке форма косвенного генитива местоимений образуется прибавлением суффикса косвенной формы не к косвенной основе местоимения, а к прямой форме генитива. Возможно, в этом следует усматривать свидетельство позднейшего развития согласования по косвенности у лично-местоименных посессоров по аналогии с именными посессорами. Анализ соотношения прямой и косвенной форм родительного с различными основами в других случаях требует более подробного морфонологического анализа.

Таблица 5б

**Прямые и косвенные формы личных местоимений
в языках цезской ветви
[Direct and indirect forms of personal pronouns
in Tsezic]**

	'я' ['I']		'ты' ['you.sg']		'мы' ['we']		'вы' ['you.pl']	
	DIR	OBL	DIR	OBL	DIR	OBL	DIR	OBL
Гунзибский [Hunzib]	<i>diye</i>	<i>dido</i>	<i>dibə</i>	<i>dɪbəd</i> <i>dudo</i>	<i>ilus</i>	<i>ildo</i>	<i>mižus</i>	<i>miždo</i>
Бежтинский [Bezhta]	<i>due</i>	<i>диела</i>	<i>дибо</i>	<i>дибола</i>	<i>илос</i>	<i>илла</i>	<i>мизос</i>	<i>мизола</i>
Хваршинский [Khvarshi]	<i>diyo</i>	<i>di'vo</i>	<i>dubo</i>	<i>dublo</i>	<i>i'vo</i>	<i>il'vo</i> <i>il'ulo</i>	<i>mižo</i>	<i>mil'vo</i>
Гинухский [Hinuh]	<i>di</i>	<i>dižo</i>	<i>debe</i>	<i>dewžo</i>	<i>eli</i> <i>elus</i>	<i>elo</i> <i>eluzo</i>	<i>meži</i> <i>mežus</i>	<i>mezo</i> <i>mežuzo</i>
Цезский [Tsezic]	<i>deɣ</i>	<i>däz</i>	<i>деби</i>	<i>дебез</i>	<i>элус</i>	<i>элуз</i>	<i>межус</i>	<i>межуз</i>

Суммируя данные языков цезской ветви, можно сказать следующее. Согласование по косвенности отмечается у числительных (Num), указательных местоимений (Dem), адъективов (Adj, включая в первую очередь непроизводные прилагательные и некоторые причастия) и атрибутивных форм (Attr, включая посессивные формы имени, атрибутивизированные формы наречий и падежных форм и некоторые причастия). В смысле средств выражения все четыре системы независимы друг от друга. Согласование типа Num вполне продуктивно и для числительных, кроме 'один' и 'два', вполне регулярно. По согласованию демонстративов нет полных данных. Согласование типа Attr и типа Adj

достаточно строго разграничено, только в хваршинском языке непроизводные прилагательные могут использовать обе стратегии одновременно. В целом согласование типа Adj может быть сильно ограничено лексически и/или фонотактически, а может и вовсе быть факультативным (т.е. прилагательные могут вообще не согласовываться по косвенности), в то время как согласование типа Attr продуктивно и обязательно. Следует отметить материальное несовпадение и функциональную неизоморфность показателей косвенных показателей в типе Attr (ср. [Алексеев, 1988, с. 140–141]). В гунзибском это инструменталь на *-d* (соответствует инструментально на *-d* в гинухском и бежтинском), аблатив-транслатив на *-zo* в гинухском, могущий соответствовать инструментально на *-z* в хваршинском, в котором, однако, косвенный атрибутивизатор, как и в бежтинском, выражается сегментом *-la/-lo*. Показатель прямого атрибутива *-s* – общий для всех языков, но, хотя автор гинухской грамматики отождествляет его с элативом, в других языках отождествить *-s* с показателями пространственности сложно или невозможно.

Существенное сходство, наблюдаемое между всеми языками, – это кросс-категориальность в качестве показателя как прямого, так и косвенного Attr, что хорошо согласуется с возможностью его происхождения из суффикса «внешнего слоя» именной морфологии – показателя ориентации.

2.3. Лезгинские языки

Лезгинские языки более других ветвей неоднородны в отношении согласования по косвенности. В удинском, арчинском и восточнолезгинских языках (лезгинском, агульском и табасаранском) согласование по косвенности не представлено ни в каком виде. В остальных четырех языках оно представлено в существенно разном объеме, причем хновско-борчинский идиом рутульского языка в этом отношении смыкается с цахурским языком, ведя себя иначе, чем основные диалекты рутульского языка.

В алиском говоре крызского языка и в будухском языке согласование по косвенности отмечается только для числительных. В крызском [Authier, 2009, p. 100–101] числительные согласуются с вершиной в номинативе по роду; косвенные формы отличаются от прямых отсутствием согласования по роду и наличием суффикса *-ʒi*, к которому при вершине с личным референтом присоединяется суффикс *-n*. Формы для числительных 'один' и 'два' ведут себя особым образом (табл. 6), а формы для числительных выше 'десяти' не приводятся, но описание предполагает их регулярность. Суффиксы, сходные с теми, которые появляются у числительных в косвенной основе, появляются также

при склонении безвершинных прилагательных (-*n* для имен лиц, -*ǰ* для неличных референтов). Описание будухского языка в [Талибов, 2007, с. 153–154] менее подробно: отмечается, что числительные, употребляемые с косвенными вершинами, теряют согласование по роду и принимают суффикс -*ǰи*. В этом источнике примеры приводятся только для числительных 'один' *sa-cl ~ sun-ǰи* и 'два' *q'a-cl ~ q'un-ǰи* (которые, как и в крызском, демонстрируют некоторую морфологическую нерегулярность), однако Жиль Отье (в личном сообщении) указывает, что так же ведут себя и другие будухские числительные. При этом по его же данным в крызских говорах Хапута и Исмаили разные формы в зависимости от падежа вершины имеют также прилагательные [Authier, ms.] (см. табл. 6).

Таблица 6

**Формы прилагательного в крызском языке
(говоры Хапут и Исмаили), по данным [Authier, ms]
[Adjective inflection Kryz language
(dialects Haput and Ismayilli), according to [Authier, ms]]**

	Хновско-борчинский [Khnov-Borchin]	
	М/Ф	Н/ПЛ
DIR	- <i>d</i>	- <i>ǰ</i>
OBL		

Эта модель напоминает согласование атрибутов в цахурском языке и особенно в хновско-борчинском диалекте рутульского языка (табл. 8) в том смысле, что согласование по косвенности взаимодействует с согласованием по роду; можно сказать, что в говорах Хапута и Исмаили прилагательные при вершине в номинативе согласуются также по роду, а при косвенных падежах вершины это согласование пропадает. Следует также отметить, что это согласование носит факультативный характер как для прилагательных, так и для числительных; последнее верно также для будухского языка (Жиль Отье, в личном сообщении).

Склонение числительных в рутульском языке (за основу мы принимаем подробное описание морфологии числительных в [Muhin, 2021], опирающееся на экспедиционные данные, собранные в селе Кина; но аналогичную систему с точностью до фонетических соответствий описывают [Махмудова, 2001; Authier, submitted] (для мухадского диалекта). Это в целом похоже на ситуацию, описываемую Отье для крызского языка

с тем исключением, что рутульский показатель *-di*, появляющийся в косвенных формах числительных и замещающий показатели согласования по роду, легко идентифицируется как атрибутивизатор с широкой дистрибуцией, также образующий приименные формы от прилагательных (зависимое употребление прилагательного) и имен (посессор) – Attr. Поведение атрибутивизатора с числительными отличается от других атрибутов тем, что он отсутствует при вершине в именительном падеже; с синхронной точки зрения можно говорить, что при вершине в косвенном падеже числительное переходит в атрибутивное склонение, это и является реализацией противопоставления по косвенности. Добавим, что, по нашим данным, реализуемое таким образом согласование по косвенности в реальных текстах (кининский рутульский) не вполне последовательно, по крайней мере в случае числительного ‘один’ (возможно, это коррелирует с функцией, в которой это числительное употребляется).

В цахурском языке [Сосенская, 1999, с. 154 и далее] морфологическое оформление количественных числительных различается в зависимости от падежа вершины следующим образом. В косвенной форме числительное не содержит слота согласования по роду с вершиной, а к основе присоединяется косвенный вариант кросс-категориального атрибутивизатора *-ni* (табл. 7). При вершине в номинативе возможны две модели, которые грамматика называет полной и краткой. Насколько можно судить из описания их распределения, краткая форма, в которой присутствует только согласовательный слот, в зависимых контекстах с выраженной вершиной употребляется реже. Полная форма содержит морфему *-le*, которую грамматика интерпретирует как специальный атрибутивизатор (видимо, именно потому, что в косвенных формах она заменяется на стандартный косвенный атрибутивный показатель). Так как выражение класса нетривиальным образом взаимодействует с основой местоимения, в таблице 7 приводятся только формы третьего класса.

Указательные местоимения крызского и будухского языка не изменяются в зависимости от падежа имени, к которому они относятся. В рутульском языке наряду с указательными местоимениями *mi*, *ha* имеются варианты *mid*, *had*, конечный элемент которых исторически может быть связан с атрибутивизатором *-d(i)*, но распределение, аналогичное распределению у числительных, обнаружить не удается. Лишь для цахурского [Там же, с. 133 и далее] описано строгое распределение прямых (*ma-n*, *še-n*, *i-n* и *ma-na*, *še-na*, *i-na*, в соответствии с табл. 8 ниже) и косвенных (*ma-ni*, *še-ni*, *i-ni*) форм демонстративов. Не исключено, что по косвенным и прямым контекстам распределены и указательные формы *midi* (прямая) и *mid* (косвенная)

Таблица 7

**Прямая и косвенная форма малых числительных в крызском (говор с. Алик),
рутульском (говор с. Кина) и цахурском (говор с. Мишлеш) языках**
[Direct and indirect forms of lower numerals in Kryz
(dialect of the village of Alik), Rutul (dialect of the village of Kina)
and Tsakhur (dialect of the village of Mishlesh)]

	Крызский [Kryz]			Рутульский [Rutul]		Цахурский [Tsakhur]	
	DIR	OBL		DIR	OBL	DIR	OBL
		Личные [Human]	Неличные [Non-human]				
‘один’ [‘one’]	<i>sa-CL</i>	<i>sun-du</i>	<i>sun-ẓ̌i</i>	<i>sa</i>	<i>sin-di</i>	<i>sa[-b-le]</i>	<i>sa</i>
‘два’ [‘two’]	<i>qʷa-CL</i>	<i>qʷun-du</i>	<i>qʷun-ẓ̌i</i>	<i>qʷa^ɕ-CL</i>	<i>qʷu^ɕ-di</i>	<i>qʷo^ɕ-b-le</i>	<i>qʷo^ɕ-ni</i>
‘три’ [‘three’]	<i>šib(u)-CL</i>	<i>šib-ẓ̌i-n</i>	<i>šib-ẓ̌i</i>	<i>xibi-CL</i>	<i>xib-di</i>	<i>xɛji-b-le</i>	<i>xɛb-ni</i>
‘четыре’ [‘four’]	<i>juqʷu-CL</i>	<i>juqʷ-ẓ̌i-n</i>	<i>juqʷ-ẓ̌i</i>	<i>juqʷu-CL</i>	<i>juqʷ-di</i>	<i>joqʷu-b-le</i>	<i>joqʷ^w-ni</i>
‘пять’ [‘five’]	<i>fu-CL</i>	<i>fuẓ̌-ẓ̌i-n</i>	<i>fuẓ̌-ẓ̌i</i>	<i>xu-CL</i>	<i>xud-di</i>	<i>xo-b-le</i>	<i>xo-ni</i>

в хновском-борчинском идиоме, но предположение этой возможности основывается на очень предварительных полевых данных [Ибрагимов, 1976, с. 266–267] (приименные формы специально не обсуждает).

Наконец, именно в хновско-борчинском идиоме обнаруживается согласование по косвенности и у других именных зависимых, что структурно объединяет этот идиом с цахурским и отделяет от мухадского диалекта. В хновско-борчинском [Там же, с. 254] приименные формы прилагательного и посессивные формы имени содержат атрибутивный показатель, форма которого при вершине в номинативе зависит от ее класса и числа, а при вершине в косвенном падеже используется одна форма. Такое же распределение имеет место в цахурском языке [Сосенская, 1999, с. 193 и далее] (Т.Б. Сосенская описывает алломорфию показателей, причем в некоторых позициях вместо /n/ выступает /d/; возможно, такие реализации связаны с /d/ рутульских атрибутивных форм). Единственное различие заключается в том, что в цахурском косвенная форма атрибутивизатора специализирована, а в хновско-борчинском она совпадает с одной из прямых форм (ср. табл. 8).

Таблица 8

**Формы показателя атрибутивизации
в хновско-борчинском и цахурском языках
[Attributivizer
in Khnov-Borchin and Tsakhur languages]**

	Хновско-борчинский [Khnov-Borchin]		Цахурский [Tsakhur]	
	sg 1/2/3	sg 4 или pl [sg 4 or pl]	sg 1/2/3	sg 4 или pl [sg 4 or pl]
DIR	<i>-di</i>	<i>-id</i>	<i>-na</i>	<i>-n</i>
OBL		<i>-ni</i>		

Отметим, что распределение показателей *-di* и *-id* в зависимости от класса и числа вершины в именительном падеже отмечается также по крайней мере для посессивных форм в ихрекском и мухрекском диалектах [Таирова, 2011], причем автор предположительно объясняет это близостью к цахуроязычному ареалу. К сожалению, поведение зависимого при вершине в косвенном падеже не обсуждается; Г.Х. Ибрагимов говорит о «несклоняемости» прилагательных в атрибутивной позиции в ихрекском диалекта [Ибрагимов, 1976, с. 2010], и вообще не обсуждает этот вопрос для мухрекского диалекта.

По крайней мере в цахурском [Калинина, Толдова, 1999, с. 377 и далее] и в некоторых диалектах рутульского языка, например, в кининском (полевые данные) приведенные в табл. 7 показатели являются кросс-категориальными и могут образовывать атрибутивную форму не только от имен (посессоры) или от прилагательных (атрибутивная форма прилагательного), но и от глагольных форм (причастия), наречий или падежных форм существительных. Про хновско-борчинский данных об атрибутивизации наречий и падежных форм у нас нет.

Обобщим данные лезгинских языков. В пяти из девяти языков ветви согласование по косвенности, насколько нам известно, не отмечается ни в каком виде. В будухском и крызском (говор с. Алик) языках оно ограничено числительными, но при этом носит продуктивный и регулярный характер (в отличие, например, от нахских языков, где оно ограничено малыми числительными). Так же обстоит дело и в большинстве рутульских диалектов и в цахурском языке (последний по данным мишлешского говора), но здесь согласование по косвенности реализовано присоединением в контексте косвенной вершины атрибутивизатора (*-di/-ni*), так что косвенность может интерпретироваться как переход числительного в атрибутивное склонение (с потерей способности различать род вершины). Сходный процесс наблюдается и в хапутском и исмаилинском говорах крызского языка, в которых, впрочем, использование косвенной формы прилагательного (как и числительного) не обязательно. Демонстративы не согласуются по косвенности в будухском и крызском и, вероятно, рутульском языке (для рутульского языка недостаточно диалектных данных). В цахурском же языке демонстративы используют тот же механизм, что и атрибутивные формы, образованные от других частей речи (посессоры, прилагательные). Во всех случаях в косвенных формах утрачивается согласование по роду и числу, хотя в крызском (говор с. Алик) в косвенных формах возникает своего рода согласование по одушевленности. Здесь кажется интересным отметить, что структурные сходства пересекают границы, традиционно являющиеся границами языков, и группируют их диалекты, по крайней мере, хновско-борчинский рутульский, хапутский и исмаилинский крызский и цахурский в отличие от других рутульских и крызских диалектов.

2.4. Хиналугский язык

Как уже отмечалось, А.Е. Кибрик рассматривает лишь одну параллель согласованию по косвенности за пределами цахурского и цезских языков – это система демонстративов в хиналугском языке (символ «непалатализации», в [hoz, i] используется авторами грамматики для

обозначения морфонологической границы, блокирующей палатализацию согласного перед узким гласным).

Таблица 9

**Словоизменение указательных местоимений
хиналугского языка
[Inflection of demonstrative pronouns
in Khinalug]**

	Ближний [Proximal]					Дальний [Distal]				
	1	2	3	4	nPL	1	2	3	4	nPL
DIR	<i>du</i>	<i>dä</i>	<i>ži</i>		<i>dur</i>	<i>hu</i>		<i>hä</i>		<i>hoz, i</i>
OBL	<i>vo/vä</i>		<i>sä</i>		<i>voz</i>	<i>hinä</i>				

По сравнению с [Kibrik, 1995], таблица дополнена указательными местоимениями множественного числа (по данным [Кибрик и др., 1972]). Для 3–4 классов множественного числа формы местоимений в явном виде не указываются; отмечаются определенные колебания в образовании косвенных форм указательных местоимений. Падежная форма указательного местоимения содержится также в субстантивированных (безвершинных) употреблении прилагательных. Это употребление не может быть напрямую сопоставлено с категорией согласования по косвенности, т.к. формы с суффиксированными местоимениями появляются как раз в контексте отсутствия контролера (и, соответственно, различают все падежно-числовые формы). Согласование приименных адъективов (прилагательных и причастий) или посессоров для хиналугского языка не характерно.

Интересно, что ни в более ранней грамматике [Дешериев, 1959], ни в [Кибрик и др., 1972] не описано поведение числительных с косвенными вершинами (в очерке Кибрика и соавторов раздел, описывающий числительные, вообще отсутствует). В грамматике Дешериева эксплицитно утверждается, что форма числительного в атрибутивной позиции не зависит от формы существительного. Парадоксальным образом в примерах, которые приводит автор грамматики, наряду с прямой формой в скобках и без комментариев приводится как раз косвенная форма числительного ‘три’. Действительно, оказывается (личные записи, [Rind-Pawlowski, in preparation]), что хиналугские малые числительные имеют в разной степени морфологически членимые (ср. показатель *-la*), но отличные от прямых косвенные формы (приведены в табл. 10).

**Прямая и косвенная форма малых числительных
хиналугского языка**
**[Direct and indirect forms of lower numerals
in Khinalug]**

	DIR	OBL
‘один’ [‘one’]	<i>sa</i>	<i>čʰinə</i>
‘два’ [‘two’]	<i>kʰu</i>	<i>kʰula</i>
‘три’ [‘three’]	<i>pʃoa</i>	[<i>k(ʃ)la</i>]
‘четыре’ [‘four’]	<i>onv</i>	[<i>unqʰul</i>]
‘пять’ [‘five’]	<i>pɣi</i>	<i>puxla</i>

Наш консультант указывает, что нерегулярные косвенные формы числительных ‘три’ и ‘четыре’ в современной речи почти не употребляются (используются прямые формы); уже Дешериев в примерах на числительное ‘три’ дает колебания между формам *пшва* и *кла* для контекстов косвенной основы (варианты, которые он, впрочем, никак не комментирует). При самостоятельном (безвершинном) склонении числительные, как и прилагательные, суффицируют указательное местоимение ближней серии, однако, по крайней мере, числительные ‘один’ и ‘два’ используют при этом косвенную основу (аналогичных примеров для других числительных не приводится). Показатель *-la* для образования деривационной косвенной основы (т.е. основы, от которой образуются другие косвенные падежи) у других субстантивов не отмечается.

Таким образом, в хиналугском языке в согласование по косвенности вовлечены малые числительные и указательные местоимения, но на прилагательные и посессивные формы имени это согласование не распространяется.

3. Обобщение

Выше мы свели все известные нам на сегодняшний день данные о согласовании атрибутов с вершиной по категории косвенности в нахско-дагестанских языках. В языках андийской и даргинской ветвей, а также в аварском и лакском языке согласование по косвенности не обнаружено ни в каком виде. В языках нахской, лезгинской и цезской ветвей, а также в хиналугском языке согласование по косвенности представлено, но в существенно разном объеме, причем даже

внутри ветвей (лезгинские языки) и между близкородственными языками (хновско-борчинский рутульский в отличие от большинства рутульских диалектов) охват этого феномена может различаться (ср. табл. 11).

Таблица 11

**Мишени согласования по косвенности
в нахско-дагестанских языках
[Targets of agreement in obliqueness in East Caucasian]**

	Card	Dem	Adj	Poss
Цахурский, борчинско-хновский; цезские [Tsakhur, Khnov-Borchin; Tsezic]	Да [Yes]			
Нахские, крызский (с. Хапут и Исмаили) [Nakh, Kryz (villages of Naput and Ismayilli)]	Да [Yes]			Нет [No]
Хиналугский [Khinalug]	Да [Yes]		Нет [No]	
Будухский, крызский (с. Алик), рутульский [Budukh, Kryz (Alik village), Rutul]	Да [Yes]	Нет [No]		
Другие языки семьи [Other languages of the family]	Нет [No]			

Данные в таблице, на первый взгляд, образуют иерархию, в левой части которой находятся числительные и демонстративы, а в правой – посессивные формы имени. Иерархия отчасти напоминает шкалу модификаторов (прилагательные – существительные), обсуждаемую в связи с иерархией доступности для согласования с вершиной [Plank, 1995; Nikolaeva, Spencer, 2013], отчасти – представление о том, что демонстративы более других атрибутов склонны согласовываться с вершиной (ср., впрочем, [Norris, 2019]). Однако такой взгляд с высоты птичьего полета может быть обманчив.

Так, неясно, почему самую левую позицию в этой иерархии занимают числительные; у нас нет ни типологических данных, ни интуиции о большей склонности числительных к согласованию по сравнению с демонстративами и прилагательными. В хиналугском и нахских языках согласование числительных ограничено малыми числительными; можно было бы предположить, что согласование числительных – это просто сохранение архаичной модели. На это же может косвенно указывать супплетивность прямой и косвенной основ для некоторых

из хиналугских числительных. Однако, если оставить в стороне числительное 'один', которое демонстрирует супплетивизм во всех языках, в нахских языках те немногие числительные, которые противопоставляют прямую и косвенную форму, скорее регулярны, а в будухском и крызском образование косвенных форм числительных – продуктивный морфологический процесс. В рутульском и цахурском языках косвенные формы числительных используют атрибутивизатор, которого нет в прямых формах, т.е. здесь согласование по косвенности реализуется как мена типа зависимостного маркирования (от особого к атрибутивному). В какой степени эти проявления согласования по косвенности имеют общее происхождение или хотя бы представляют собой один феномен?

Цезские языки и цахурский и хновско-борчинский занимают одно положение в таблице и предположительно соответствуют одному типу «реализации» предполагаемой иерархии. Однако в действительности два лезгинских языка на всем протяжении иерархии используют один и тот же морфосинтаксический механизм (стратегия Attr), а цезские языки для каждой из позиций иерархии используют, скорее, разные средства. При этом и в тех, и в других согласование по косвенности у посессоров использует кросс-категориальную атрибутивизацию, что в табл. 11 никак не отражено. В целом кажется, что многие из средств согласования по косвенности могут быть инновациями на уровне ветвей (атрибутивизаторы в лезгинских и особенно в цезских, в которых они, возможно, различаются между языками); однако эта ситуация осложняется вероятной архаичностью других фрагментов этой системы (демонстративы, непроизводные прилагательные в нахских и цезских) и предположительной архаичностью некоторых «инновативных» механизмов внутри ветви, как согласование посессора и прилагательного в цахурском и хновско-борчинском, а для прилагательного – также в хапутском и исмаилинском говорах крызского, при отсутствии их в некоторых других рутульских и крызских диалектах. Последнее объяснимо либо маловероятной инновацией, независимой в цахурском и в хновском, либо контактами (с не вполне понятным конкретным сценарием заимствования), либо, наконец, общим архаизмом – но только на уровне ветви или подгруппы (подробнее обсуждение возможных сценариев в этих языках см. в [Алексеев, 1985]). В целом распространенность согласования по косвенности в языках самых разных ветвей семьи, с одной стороны, и типологическая редкость этого явления – с другой, на наш взгляд, делает вероятной реконструкцию какой-то формы согласования по косвенности для пра-нахско-дагестанского состояния.

Данные, представленные А.Е. Кибриком [Kibrik, 1995], особенно с учетом обсуждаемых выше кардинальных различий морфосинтаксических механизмов, стоящих за согласованием по косвенности в цезских и цахурском языках, могут создавать впечатление, что этот феномен в двух ветвях семьи развился независимо. Хотя это неожиданно, т.к. типологические параллели такого *морфосинтаксического механизма* в языках мира нам неизвестны, но в каком-то смысле это верно – для *сравниваемых* морфосинтаксических средств. Однако данные, сведенные в настоящей статье, показывают, что сам морфосинтаксический механизм имеет гораздо более широкий географический и генеалогический охват – от нахских языков на северо-западе до крызского, будухского и хиналугского на юге. Е.А. Лютикова (2021) ссылается на точку зрения, высказанную в М.Е. Алексеевым (2003), согласно которой уже пра-нахско-дагестанская система была многопадежной, поэтому согласование по косвенности не может быть возведено в праязык (ту же точку зрения высказал Я.Г. Тестелец, в личном сообщении). Нам не вполне ясно, почему это является аргументом в пользу позднейшего развития согласования по косвенности *как механизма*. Действительно, именно двухпадежная система является удобной отправной точкой для такого согласования, но она могла иметь место и до пра-нахско-дагестанского этапа. В конце концов, показатели косвенности различаются даже внутри цезской ветви, тем не менее, кажется более чем вероятным, что само согласование по косвенности может быть реконструировано к працезскому уровню (ср. [Алексеев, 1988, с. 140–141]). На основании обобщенных выше данных нам кажется более вероятным, что в какой-то форме согласование по косвенности было чертой праязыка (согласование демонстративов, возможно также непроемных прилагательных и числительных), которая в конкретных ветвях или даже подгруппах одной ветви могла запускать развитие инновативных механизмов своей реализации (атрибутивное выражение посессивности и атрибутивизация автономных словоформ). Конкретные механизмы такого развития (аналогия с архаичным согласованием в закрытых классах, грамматикализация каких-то представителей этих классов, например, указательного местоимения, в показатель атрибутива или какие-то иные возможные пути грамматической эволюции) требуют анализа дополнительного материала.

Во введении мы также говорили о том, что полный обзор эмпирических данных о согласовании по косвенности может поставить новые проблемы и дать указания для поиска дальнейших теоретических интерпретаций, как формальных, так и типологических. Для теоретического контекста, в котором согласование по косвенности рассматривает

А.Е. Кибрик, важным кажется то, что согласуемость посессоров отмечается только в тех языках, где статус посессивного маркера как падежа под сомнением: речь идет скорее о кросс-категориальном атрибутивизаторе (не только об атрибутивном показателе рутульского и цахурского языков, но и кросс-категориальности, хотя и иного рода, цезских показателей, традиционно обозначаемых как GEN1 и GEN2). В теоретическом контексте, в котором согласование по косвенности рассматривает Е.А. Лютикова, важно то, что такое согласование встречается в языках с самым разным уровнем выделяемости косвенной основы; следует выяснить, как показатели косвенной формы атрибутов синхронно соотносятся с показателями косвенной основы существительных и особенно косвенной основы самих этих атрибутов при независимом (безвершинном) склонении. В этой статье данный вопрос почти не рассматривался и требует сбора дополнительных эмпирических данных.

4. Заключение

Целью этой работы был систематический обзор морфосинтаксических явлений нахско-дагестанских языков, удовлетворяющих самому широкому пониманию согласования по косвенности как зависимости формы приименного атрибута от падежной формы вершины (именительный падеж vs. любой другой падеж). Мы показали, что охват синтаксических мишеней такого согласования в языках семьи существенно шире, чем может показаться из некоторых важных, но частных его исследований (например, [Kibrik, 1995]). Мы предположили, что широкая географическая и генеалогическая представленность явления, которое полностью отсутствует только в аваро-андийских, даргинских и лакском языках, делает затруднительной интерпретацию его как позднейшей морфосинтаксической инновации (ср. [Лютикова, 2021]), однако его диахронический анализ осложняется тем, что те его конкретные проявления, которые с большой вероятностью действительно инновативны, сосуществуют (а иногда и взаимодействуют) с архаичными механизмами того же согласования. Наконец, в теоретическом плане мы лишь констатируем, что оно представляет интерес с точки зрения как статуса мишени (а именно – ее положения на шкале адъективно-именной модификации и одновременного выражения на ней нескольких стратегий зависимостного маркирования), так и статуса вершины (а именно – природы самой категории косвенности, которая очевидно видима для синтаксиса, но при этом имеет более проблематичный статус с точки зрения морфологии). Кроме того, мы отмечаем, что любая интерпретация согласования по косвенности должна либо эксплицитно разделять фрагменты такого согласования как независимые (например,

предлагать отдельные модели согласования для разных мишеней в цезских языках), либо ограничиваться данными конкретного языка и языковой группы; если же она достаточно амбициозна для того, чтобы пытаться строить единую внутригенеалогическую модель, она должна учитывать все разнообразие ее перечисленных выше реализаций.

Библиографический список / References

Алексеев, 1985 – Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков: морфология, синтаксис. М., 1985. [Alekseev M.E. Voprosy sravnitelno-istoricheskoi grammatiki lezginsskikh yazykov: morfologiya, sintaksis [Issues in the historical comparative grammar of Lezgi languages. Morphology and syntax]. Moscow, 1985.]

Алексеев, 2003 – Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категория имени. М., 2003. [Alekseev M.E. Sravnitelno-istoricheskaya morfologiya nakhsko-dagestanskikh yazykov. Kategoriya imeni [Historical comparative morphology of Nakh-Daghestanian. The noun]. Moscow, 2003.]

Бокарев, 1959 – Бокарев Е.А. Цэзский язык // Цэзские (дидойские) языки Дагестана. М., 1959. С. 175–220. [Bokarev E.A. Tsez. Tsezskie (didoiskie) yazyki Dagestana. Moscow, 1959. Pp. 175–220. (In Rus.)]

Дешериев, 1953 – Дешериев Ю.Д. Бацбийский язык: фонетика, морфология, синтаксис, лексика. М, 1953. [Desheriev Yu.D. Batsbiiskii yazyk: fonetika, morfologiya, sintaksis, leksika [Bats: Phonetics, morphology, syntax, and the lexicon]. Moscow, 1953.]

Дешериев, 1959 – Дешериев Ю.Д. Грамматика хиналугского языка. М., 1959. [Desheriev Yu.D. Grammatika khinalugskogo yazyka [A grammar of Khinalug]. Moscow, 1959.]

Ибрагимов, 1978 – Ибрагимов Г.Х. Рутульский язык. М., 1978. [Ibragimov G.Kh. Rutulskii yazyk [Rutul]. Moscow, 1978.]

Калинина, Толдова, 1999 – Калинина Е.Ю., Толдова С.Ю. Атрибутивизация // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика, Я.Г. Тестельца. М., 1999. С. 377–419. [Kalinina E.Yu., Toldova S.Yu. Attributivization. *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*. A.E. Kibrik, Ya.G. Testelts (eds.). Moscow, 1999. Pp. 377–419. (In Rus.)]

Кибрик, 2003 – Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003. [Kibrik A.E. Konstanty i peremennye yazyka [The constants and the variables of language]. St. Petersburg, 2003.]

Кибрик, Кодзасов, Оловяникова, 1972 – Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Olovyannikova I.P. Fragmenty grammatiki khinalugskogo yazyka [Elements of the grammar of Khinalug]. Moscow, 1972.]

Халилов, Комри, Халилова, 2015 – Халилов М.Ш., Комри Б., Халилова З.М. Грамматика бежтинского языка. Алеф, 2015. [Khalilov M.Sh., Komri B., Khalilova Z.M. Grammatika bezhtinskogo yazyka [A grammar of Bezhta]. Alef, 2015.]

Лютикова, 2021 – Лютикова Е.А. Согласование по косвенности в хваршинском языке // Дурхъасы хазна. Сборник статей к 60-летию Р.О. Муталова /

Под ред. Т.А. Майсака, Н.Р. Сумбатовой, Я.Г. Тестельца. М., 2021. С. 187–213. [Lyutikova E.A. Agreement in obliqueness in Khwarshi. *Durkhasi khazna. Sbornik statei k 60-letiyu R.O. Mutalova*. T.A. Maisak, N.R. Sumbatova, Ya.G. Testeleets (eds.). Moscow, 2021. Pp. 187–213. (In Rus.)]

Махмудова, 2001 – Махмудова С.М. Морфология рутульского языка. М., 2001. [Makhmudova S.M. Morfologiya rutul'skogo yazyka [Morphology of Rutul]. Moscow, 2001.]

Сосенская, 1999 – Сосенская Т.Б. Местоимение. Числительное // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика, Я.Г. Тестельца. М., 1999. С. 129–180. [Sosenskaya T.B. Pronouns. Numerals. *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*. A.E. Kibrik, Ya.G. Testeleets (eds.). Moscow, 1999. Pp. 129–180. (In Rus.)]

Сосенская, 1999 – Сосенская Т.Б. Атрибутивная репрезентация // Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика, Я.Г. Тестельца. М., 1999. С. 193–201. [Sosenskaya T.B. Attributive representation. *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii*. A.E. Kibrik, Ya.G. Testeleets (eds.). Moscow, 1999. Pp. 193–201. (In Rus.)]

Таирова, 2011 – Таирова М.О. Сравнительный анализ генитива в диалектах рутульского языка // Вестник Университета Российской академии образования. 2011. № 1. С. 69–72. [Tairova M.O. A comparative analysis of the genitive in Rutul dialects. *Herald of the University of the Russian Academy of Education*. 2011. No. 1. Pp. 69–72. (In Rus.)]

Талибов, 2007 – Талибов Б.Б. Будухский язык. М., 2007. [Talibov B.V. Budukhskii yazyk [Budukh]. Moscow, 2007.]

Тестелец, 2016 – Тестелец Я.Г. Падеж и структура предложения в аварском языке. Доклад в Институте языкознания. 2016. [Testeleets Ya.G. Case and clause structure in Avar. Presentation, Institute of Linguistics. 2016. (In Rus.)]

Шлуинский, 2014 – Шлуинский А.Б. Внутригенетическая типология языков ква: морфосинтаксис глагольной группы // Основы африканского языкознания. Диахронические процессы и генетические отношения языков Африки / Под ред. В.А. Виноградова. М., 2014. С. 354–455. [Shluinskii A.B. Intragenetic typology of Kwa: Morphosyntax of the verbal phrase. *Osnovy afrikanskogo yazykoznaneya. Diakhronicheskie protsessy i geneticheskie otnosheniya yazykov Afriki*. V.A. Vinogradov (ed.). Moscow, 2014. Pp. 354–455. (In Rus.)]

Яковлев, 1960 – Яковлев Н.Ф. Морфология чеченского языка. Труды № 1. Грозный, 1960. [Yakovlev N.F. Morfologiya chechenskogo yazyka [Morphology of Chechen]. Trudy № 1. Grozny, 1960.]

Authier, 2009 – Authier G. Grammaire kryz. Paris, 2009.

Authier, submitted – Authier G. Rutul. *The Caucasian languages, an international handbook*. T. Maisak, Yu. Koryakov (eds.). Submitted.

Authier, in preparation – Authier G. Ismaili Kryz. In preparation.

Forker, 2013 – Forker D. A grammar of Hinuq. Walter de Gruyter, 2013.

Greenberg, 1969 – Greenberg J. Some methods of dynamic comparison in linguistics. *Substance and structure of language*. J. Puhvel (ed.). University of California Press, 1969. Pp. 147–203.

Hauk, 2020 – Hauk B. Deixis and Reference Tracking in Tsova-Tush. Dr. diss. University of Hawai'i at Manoa. 2020.

Holisky, Gagua, 1994 – Holisky A., Gagua R. Tsova-Tush (Batsbi). *The indigenous languages of the Caucasus*. R. Smeets (ed.). Vol. 4 (part 2). Delmar, NY: Caravan Books, 1994. Pp. 147–212.

Khalilova, 2009 – Khalilova Z. A grammar of Khwarshi. The Netherlands, 2009.

Kibrik, 1995 – Kibrik A.E. Direct-oblique agreement of attributes in Daghestanian. *Double case: Agreement by Suffixaufnahme*. F. Plank (ed.). Oxford, 1995. Pp. 216–229.

Kibrik, 1998 – Kibrik A.E. Does intragenetic typology make sense? *Sprache im Raum und Zeit. In memoriam Johannes Bechert*. Tübingen, 1998. Pp. 61–68.

Muhin, in preparation – Muhin T. Numerals in Kina Rutul. In preparation.

Nichols, 1983 – Nichols J. On direct and oblique cases. *Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. 1983. Vol. 9. Pp. 170–192.

Nichols, 1986 – Nichols J. Head-marking and dependent-marking grammar. *Language*. 1986. Pp. 56–119.

Nichols, 1992 – Nichols J. Linguistic diversity in space and time. Chicago, 1992.

Nichols, 2011 – Nichols J. Ingush grammar. Berkeley; Los Angeles; London, 2011.

Nikolaeva, Spencer, 2013 – Nikolaeva I., Spencer A. Possession and modification – a perspective from Canonical Typology. *Canonical Morphology and Syntax*. D. Brown, M. Chumakina, G. Corbett (eds.) Oxford, 2013.

Plank, 1995 – Double case: Agreement by Suffixaufnahme. F. Plank (ed.). Oxford, 1995.

Polinsky, 2015 – Polinsky M. Tsez syntax: A description. Ms., Harvard University. 2015.

Rind-Pawłowski, in preparation – Rind-Pawłowski M. Khinalug. *The Caucasian languages, an international handbook*. T. Maisak, Yu. Koryakov (eds.). In preparation.

Van den Berg, 1995 – Van den Berg H. A grammar of Hunzib. Muenchen, 1995.

Статья поступила в редакцию 26.03.2021

The article was received on 26.03.2021

Об авторе / About the author

Даниэль Михаил Александрович – кандидат филологических наук; ведущий научный сотрудник Международной лаборатории языковой конвергенции, профессор Школы лингвистики факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва; старший научный сотрудник отдела лингвокультурной экологии Института мировой культуры, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Michael A. Daniel – PhD in Linguistics; leading researcher at the Linguistic Convergence Laboratory, Professor at the School of Linguistics of the Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics; senior researcher at the Department of Linguocultural Ecology of the Institute of World Culture, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2091-5713>

E-mail: micha.daniel@gmail.com